

■ Дмитрий САВОСИН

В своем баварском доме в возрасте ста одного года умерла Лени Рифеншталь — одна из последних ровесниц «ревушего двадцатого», из «первой леди» гитлеровской Германии превратившаяся в «черную легенду» европейского кинематографа. Лени Рифеншталь называли пропагандисткой фашизма и новатором в области киноязыка. В последние годы жизни она стала вызывать явный интерес во всей Европе. В преклонном возрасте она продолжала заниматься любимым делом своей жизни — съемкой, хотя работала чаще не с камерой, а с фотоаппаратом и выбирала сюжеты, в которых не было содержания «человеческого, слишком человеческого», предпочитая натуру экзотическую. Так что расхожая формулировка «после долгой продолжительной болезни» не про нее. Тут подошла бы другая: «полная творческих планов...»

Из запрета — к известности

Это имя в России долго было почти под запретом. Оно упоминалось только в специальных учебниках по истории кино, где говорилось, что Лени Рифеншталь снимала пропагандистские фильмы по заказу Третьего рейха и — сквозь зубы — признавалось, что фильмы отличались небольшими художественными достоинствами.

Да что в России!.. Совсем недавно еврейские организации заявили решительный протест самому Голливуду, едва стало известно о его намерении снять кинобиографию Рифеншталь — это было расценено как пособничество «пропагандистке нацизма и антисемитизма».

Но получилось так, что в последние два года ее заката Лени Рифеншталь вдруг обрела широкую известность и даже мимолетную популярность именно в России. Пару лет назад ретроспективу ее фильмов устроил Санкт-Петербург и на открытие приехала сама Лени — элегантная, подтянутая пожилая дама, с первых же слов завоевавшая выдающуюся виды питерскую аудиторию живостью и остроумием. А на фотовыставке ее знаменитого соотечественника Хельмута Ньютона в Московском доме фотографии можно было увидеть совсем другое лицо Рифеншталь — окруженное седыми буклями, дряхлое, с подчеркнуто старческими напудренными морщинами и холодным поджатыми губами, необыкновенно умное, — от этого «подсмотренного» фотографом лица и вправду исходил страшноватый блеск и свойственный «сумрачному германскому гению» мертвящий потусторонний холодок.

Альпинистка и антифашист

Лени Рифеншталь — имя-скандал и имя-легенда. Оно осталось в летописях двадцатого века, тех самых, в создании которых принимала участие и она сама, снимавшая фашистскую олимпиаду в Берлине, ту самую, которая по замыслу Гитлера должна была стать гимном превосходству белого человека.

Отец Лени был образцовым немцем. Это был сенти-

Белокурая бестия Лени — любовь Гитлера

ментальный бюрократ. Чиновник, обожавший поэзию, дал дочери классическое образование — она училась живописи, танцу, музыке. Но как образцовый немец он считал: искусство искусства, а здоровье превыше всего! И много времени, которое маленькая Лени уделяла спорту, парадоксальным образом сыграл решающую роль в ее творческой судьбе.

Вот одна из правд, ставших легендой: Лени двадцать с небольшим, и она выступает с номером в берлинском кабаре. Молва о первом же выступлении разносится по городу с такой быстротой, что сам Макс Рейнхардт немедленно приглашает ее в свой театр.

Вот еще одна легенда, ставшая правдой: в середине двадцатых, снимаясь в фильмах Альберта Фанка — геолога, специалиста по альпинизму, романтика гор, — Лени совершила альпинистские подвиги без всякой страховки, зато к вящему восторгу режиссера и съемочной группы.

Как интересно: в те самые годы, когда немецкий киноэкспрессионизм заражал и Европу, и Америку своей страстью к мистике, волно-

вал неуравновешенностью героев и сумрачным колоритом. Лени — спортивная красавица-блондинка с прекрасно развитым телом, воплощение немецкой нордической красоты и чувственности — не проявляет к нему ни малейшего интереса, предпочитая сниматься освещенной солнцем на фоне ослепительной белизны горного снега.

А вот правда, которая еще так недавно могла обернуться скандалом: в начале тридцатых, готовясь к режиссерскому дебюту, ослепительная белокурая Лени увлеклась жившим тогда в Берлине молодым венгерским интеллектуалом Белой Балашем и написала вместе с ним сценарий своего первого фильма «Голубой свет». Чуть позже Балаш уехал в СССР, благополучно пережил здесь годы сталинского террора, написал свои великие теоретические труды и сегодня по праву считается таким же классиком советского кино, как Пудовкин и Кулешов. О его связи с «белокурой бестией» советская киноистория предпочитала вспоминать как экспрессионизм заражал и Европу, и Америку своей страстью к мистике, волно-

лечьком народе, живущем вокруг горы, светящейся при луне голубым светом.

Поэзия связала их, а жизнь развела, причем круто: вскоре после отъезда воинствующего антифашиста Балаша в Москву Рифеншталь примкнула к фашистскому лагерю.

Амазонка и фюрер

Ее жизнь полна легенд. Но есть одна сверхлегенда: ее интимная связь с Гитлером, о которой при нацистах судачил весь Берлин и которую после войны сама Лени энергично отрицала (однажды, уже в годы безнадежно «подмоченной» у европейских интеллектуалов репутации, она даже заявила назойливому журналисту: «Вы бросаете на меня тень!» — каково?). Рассказывают, что Гитлер очень любил уединяться с ней в кабинете и беседовать часами... о чем? — а когда увидел ее впервые, стройную, пышущую здоровьем, сказал: «Вот таким и должно быть возрождение нацистской партии — высоким, светлым и чистым!» Впрочем, это, возможно, тоже легенда. А вот снятые по прямому приказу фюрера «Три-

умф воли» (о съезде нацистской партии в Нюрнберге) и «Олимпия» (об Олимпийских играх в нацистском Берлине) — это уже не легенда. Сегодня многие готовы признать эти фильмы киноклассикой ушедшего века. Огромные парады толп, славящих Гитлера на улицах Германии, захватывающие ракурсы выступлений фюрера (Рифеншталь уже тогда снимала несколькими камерами, пользуясь услугами множества великолепных монтажеров и операторов), культ великодушного спортивного тела — фашисты говорили: «Она стремится всюду продемонстрировать триумфальную творческую волю древнего немецкого гения». Почему древнего? Именно потому, что все древнегерманское — от «Нибелунгов» до Вальтера — было взято на вооружение гитлеровской пропагандой, и ей-то камера Рифеншталь послужила верой и правдой.

Она становится знаменитостью и, как все кинозвезды довоенной Европы, получает приглашение в Голливуд.

Конец тридцатых. В США, в мире веселых мюзиклов и ковбойских вестернов, она затевает экранизацию драмы Генриха фон Клейста

«Пентесилея» — о любви Ахилла, воплощении мужской силы (а воплощением мужественности, как и некоторым немцам в те годы, ей, возможно, казался Гитлер), и царицы амазонок Пентесилеи. Пентесилея не может отказаться от своей женской сущности, «раствориться» в Ахилловой любви и становится причиной его гибели. Как знать, не было ли обращение к сложнейшей психологической трагедии Клейста попыткой разобраться в своих отношениях с фюрером, понять, как возникла неудавшаяся но, может быть, большая любовь? И это остается лишь предположением, ведь фильма не получилось — в 1939 году немецко-фашистские войска перешли польскую границу, и Лени уехала на родину...

Эстетика нацизма

После разгрома фашизма Лени Рифеншталь три года провела в заключении. Ее (и, надо сказать, вполне справедливо) обвинили в распространении нацистской пропаганды. Ее фильмы не показывали в Европе. А когда спустя много лет благополучная Европа посмотрела их вновь, отсидевшие в концлагерях немецкие антифашисты выходили из зала с возмущенными криками: «Все было совсем не так!»

«Лени Рифеншталь — вот кто изобрел нацизм!» — конечно, этот лозунг слишком уж запальчив. Но он не столь бредовый, как может показаться. Ведь именно кадры, снятые ею и ее операторами, именно эти толпы, согласно марширующие с нацистскими повязками на плечах по будто вымершим берлинским улицам, вскидывающие руку в приветствии Гитлеру, именно пластическая мощь тренированных и здоровых тел и составляют эстетику нацизма. Кадры, выдававшие себя за документальные, а на самом деле во многом сфальсифицированные, срежиссированные. А ведь были и интеллигенты старой Европы, кто, посмотрев эти мощные по завораживающей красоте ритма ленты, поневоле заразился и чувством стадности, и желанием стать «винтиком», раствориться в нацистской идеологии. Были такие, кто признавался в этом много лет спустя, после того как общество раскусило секрет Рифеншталь: ей, по выражению французского поэта Жака Превера, пришлось «погрызть твердые семечки реальности», чтобы не исказить ее, а подать в приправу, приятной желудку фюрера...

Легкая смерть

В либеральной, толерантной Европе ей суждена была вторая жизнь. Возникший в 80-е культ здоровья привлек всеобщее внимание к Лени, в свои восемьдесят путешествующей по экзотическим странам и выпускающей фотальбомом за фотальбомом, к тому же отменной пловчихе, умудряющейся красиво снимать подводные коралловые сады. Ее фотовыставки с успехом прошли в Германии, Италии, Японии. Деяностосемилетней старухой она снова удивила Европу, отправившись в Судан и обретая там прекрасную натуру для фоторепортажей и чернокожих друзей... Умирая она явно не собиралась, хотя часто жаловалась на обилие необходимых лекарств и непроходящие боли. После ее кончины один из друзей сказал: «Просто ее сердце остановилось во сне».

Бурная жизнь и легкая смерть.